


УДК 316.014

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-4



Исследовательская статья

Шайхисламов Р. Б. 
Асадуллина Г. Р. 

Семейная идентификация в юности

ФГОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
улица З. Валиди, дом 32, Уфа, 450074, Россия.
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы семейной идентификации как основания социокультурной идентификации в период юности. На основе эмпирических исследований, проведенных авторами статьи в 2023 году, анализируются особенности семейной идентификации в рамках «Я-концепции» и «Мы-концепции» респондентов в возрасте от 16 по 21 год, проживающих в Бурятии, Удмуртии, Башкортостане, Тюменской, Волгоградской и Архангельской областях. Изучение идентификационных процессов с точки зрения понятий, смыслов, значений, которыми респонденты наделяют свои «Я» и «Мы», дает возможность исследовать качественные параметры семейной и других форм социокультурной идентификации. В семейной (также, как и в других) идентификации в юности есть онтологическая (биографическая) и филогенетическая (традиционная) стороны. Семейная идентификация в онтологическом плане рассматривается с точки зрения ее осмысленности респондентами (носит ли она в основном сложившиеся смыслы, или находится в процессе осмысления или переосмысления, не имеет особого смысла). Также изучено соотношение в семейной идентификации значимости «Я» и Мы». В филогенетическом плане проанализировано значения, которые респонденты придают семейным корням – традициям, ценностям, передающимся от поколения к поколению по родственной линии. Сделан анализ взаимосвязи семейной идентификации в онтогенезе и филогенезе с этнической и российской идентификацией юношей и девушек. На основе анализа данных исследований авторы делают выводы о неоднозначной и многообразной взаимосвязи «Я-концепции» и «Мы-концепции» на уровне семейной идентификации, онтологической и филогенетической ее сторон.

Ключевые слова: юность; социокультурная идентификация; семейная идентификация; укорененная идентичность; стабильная идентификация; лабильная идентификация; «Я-концепция»; «Мы-концепция»

Информация для цитирования: Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р. Семейная идентификация в юности // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 64-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-4

Rafael B. Shaikhislamov 
Guzeliya R. Asadullina 

Family identity in adolescence

Ufa University of Science and Technology,
32 Z. Validi St., Ufa 450074, Russia
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of family identity as a foundation for socio-cultural identity formation during adolescence. The article presents the findings of empirical research conducted by the authors in 2023. The features of family identity are analysed within the framework of the “I-concept” and “We-concept” of respondents aged 16 to 21 years living in the Buryatia, Udmurtia, Bashkortostan, Tyumen, Volgograd and Arkhangelsk regions. The investigation of identification processes from the perspective of the concepts, meanings, and values ascribed by respondents to their “I” and “We” enables the examination of the qualitative attributes of family and other forms of socio-cultural identity. The identity of the family, as with other social entities, has two dimensions: the ontological (biographical) and the phylogenetic (traditional). The ontological sense of family identity is considered from the perspective of its significance to respondents. The focus is on whether the concept is primarily understood in a fixed sense or is undergoing a process of interpretation and reinterpretation. Furthermore, the relationship between the significance of the “I” and the “We” in family identity is also examined. From a phylogenetic perspective, the meanings ascribed to family roots – that is to say, traditions and values that have been transmitted from one generation to the next within the family – are subjected to analysis. This study examines the interrelationship between family identity in ontogenesis and phylogenesis, and the ethnic and Russian identity of young men and women. The analysis of the research data allows the authors to conclude that the relationship between the “I-concept” and the “We-concept” at the level of family identity, in both its ontological and phylogenetic aspects, is characterised by ambiguity and diversity.

Key words: youth; sociocultural identity; family identity; rooted identity; stable identity; labile identity; “I-concept”; “We-concept”

Information for citation: Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R. (2024), “Family identity in adolescence”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 64-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-4

Введение (Introduction). В Указе Президента Российской Федерации №529 от 18 июня 2024 года в качестве одного из приоритетных направлений научно-технологического развития страны определено «укрепление социокультурной идентичности российского общества и

повышение уровня его образования». ¹ В условиях больших вызовов и роста неопределенности и турбулентности изменений в современном мире необходима социокультурная идентичность – от семейной до общегражданской, обладающая

¹ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529. URL:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755>
(дата обращения: 19.08.2024).

позитивным потенциалом, устойчивостью и адаптированностью к глобальным и региональным изменениям. Особое значение имеет формирование социокультурной идентичности детей и молодежи. Первоначальным социальным пространством, в рамках которого происходит формирование социокультурной идентичности детей, является семья. Семья же имеет фундаментальное значение и для социокультурной идентификации молодежи – как родительская в качестве ориентира и собственная в качестве жизненного проекта. То, какова будет семейная идентичность, во многом определит и другие идентичности человека. Осознанием особой актуальности семейной идентичности детей и молодежи обусловлены новые национальные проекты РФ «Молодежь и дети» и «Семья».

Этническая, конфессиональная, локальная, гражданская и другие формы социокультурной идентификации в детстве не выходят за рамки семейно-родственной идентификации. В этом смысле можно согласиться с выводом «все идет из семьи». Д. С. Лихачев писал, что любовь к Родине начинается и растет с любви к своей семье. С возрастом она становится также любовью к стране, ее народу. «Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цепь, когда что-нибудь в ней выпало или, больше того, отсутствовало с самого начала» (Лихачев, 1983). Семейная идентификация и сегодня является тем самым «основным звеном», способным «вытянуть» всю цепь социокультурной идентификации. Когда говорят, что все идет из семьи, имеются в виду и позитивные, и негативные формы идентификации и дезидентификации. Широко известно изречение Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» – «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Негативная направленность социокультурной идентификации в детском, а в последующем – и в молодом и

зрелом, возрасте, обусловлена с самыми различными проявлениями «несчастливой» семьи.

Противоречивый, неоднозначный характер формирования социокультурной идентичности среди детей и молодежи требует учета современных вызовов, которые могут влиять по-разному на процесс становления молодого поколения. «Семейные ценности – это то, что важно, значимо для всех членов семьи, общее поле их интересов. Для большинства людей семейные ценности приблизительно одинаковы: любовь, родительство, верность, доверие, связь с предками, дом. Однако в результате изменения общества, под воздействием ряда социальных, экономических, политических факторов семейные ценности претерпевают существенные изменения, прежде всего это относится к ценности многодетности, большой многопоколенной семьи» (Ростовская, Кучмаева, 2024). Увеличение доли бездетных и неполных семей значительно влияет на социокультурное самочувствие детей и молодежи (одиночество, стрессы, дезинтеграция социальных связей). Дети и молодежь, выросшие в нестабильной социальной среде, часто сталкиваются с проблемами самовосприятия и адаптации, дезидентификации (утраты связи с традиционными нормами и ценностями). «Не помнящие родства» в узком (семейном) и широком (общероссийском) понимании молодые люди, даже с высоким уровнем образования, лидерскими качествами, новыми профессиональными компетенциями, не могут быть силой, способной обеспечить развитие страны.

Поэтому социокультурная идентификация не только «идет из семьи», но и должна «идти в семью». Укрепление и придание позитивной направленности общероссийской, этнической, конфессиональной, региональной и локальной идентичности необходимо начинать с укрепления и развития семьи – не абстрактной, а каждой. Иными словами,

основное внимание необходимо уделять формированию личности в семье, позитивной семейной идентичности, чтобы позитивный характер приобретали все другие формы социокультурной идентификации. Не будет ошибкой утверждать, что если это самое «основное звено» – семейная идентификация – окажется «слабым», то и всю «цепь» социокультурной идентификации «вытащить» будет невозможно. Придание позитивного характера семейной идентификации детей и молодежи, «оздоровление» семейных отношений, наряду с демографическими, образовательными, инфраструктурными задачами, должны стать важнейшей целью разрабатываемых национальных проектов РФ «Семья» и «Молодежь и дети».

Проблемы современной семьи исследуются представителями разных социально-гуманитарных наук (демографией, социологией, этнологией, педагогикой, психологией). Но что касается вопросов семейной идентификации, то они являются на сегодня преимущественно предметом психологической и педагогической науки и практики (Строкова, 2014; Лукьянченко, 2023; Тюрина, Грязева, 2020; Солынин, Маслова, 2024; Малышева, 2024; Вагапова, Перова, 2015; Васильченко, 2013). В то же время следует отметить, что исследования проблем семейной идентификации не находятся в авангарде в психологии и педагогике. Социология семьи относится к числу наиболее развитых отраслей социологической науки. Но проблематика семейной идентификации в ней остается периферийной. В последние годы ученые Института социологии ФНИЦС РАН изучают связь семейной и гражданской истории, семейной и исторической памяти как основы социокультурной идентификации россиян (Бараш, 2023; Горшков, Бараш, 2024). На примере молодежи Башкортостана особенности семейной идентичности рассматривает Г. Р. Камалова (Камалова, 2014).

Многочисленные исследования идентификационных процессов в последние тридцать лет неизменно фиксируют лидирующее положение идентификации с семьей. Однако основное внимание в них обращено на состояние и тенденции этнической и гражданской идентификации, а интерес к семейной идентификации является фоновым, «контрольным». Практически нет исследований семейной идентификации междисциплинарного характера, в том числе междисциплинарной методологической и методической интеграции.

В настоящей статье в качестве объекта изучения семейной идентификации рассматривается возрастная когорта молодежи – юность. К ней принято относить молодых людей в возрасте от 16 по 21 год. Эту когорту можно назвать «ранней молодостью», «первым этапом молодости». В советской социально-психологической литературе характеристику юности дал И.С. Кон в ряде своих книг (Кон, 1979; 1982; 1984; 1989). Если сформулировать суть юности, то ее можно определить по названию одной из книг И. С. Кона – «в поисках себя». В социологии юность как этап молодости мало изучена, хотя достаточно много исследований студенческой молодежи, старшеклассников.

В период юности происходят существенные объективные (социальные) и субъективные (личностные) изменения. В 16-17 лет одни девушки и юноши продолжают учебу в старших классах школ, другие – переходят на учебу в колледже. Вчерашние школьники становятся студентами, устраиваются на работу, часть юношей проходит срочную военную службу. Основная масса молодежи в возрасте по 21 год получает профессиональное образование и начинают поиск постоянной работы. Эти перемены в жизни связаны для значительной части молодежи со сменой места жительства, самостоятельной от родительской семьи

жизнью. Это наиболее романтическое время жизни человека, предшествующее началу собственной семейной жизни. Круг общения в этом возрасте заметно расширяется, появляются новые друзья и знакомые – представители разных этнических, конфессиональных, региональных, локальных культур. По терминологии Ф. Тённиса, в юности совершается переход от «Gemeinschaft» к «Gesellschaft»: круг идентификационных процессов расширяется от рамок семьи, родственников, друзей, соседей, школьного коллектива до корпоративного, регионального, общественного. В результате по-новому осмысливаются и представляются этническая, профессиональная, региональная, гражданская и другие формы идентификации. В юности, с одной стороны, сохраняются детские и подростковые представления о себе как части микро-, мезо- и макро-общностей, с другой стороны, формируются и понятия, содержащие смыслы и значения идентичностей. Юность – это период «поиска себя» среди других и в самом себе. Те идентичности, которые в детстве воспринимаются как внешне заданные, определяемые семьей, в юности начинают приобретать в той или иной степени осмысленный характер («я – сын, потому что...», «я – русский, потому что...», «я – россиянин, потому что...» и т.д.). Процесс осмысления идентичностей в современном обществе является пожизненным (в этом смысле говорят об идентификации), но на определенных этапах жизненного пути приобретает относительно устойчивые формы (т.е. идентичности). В юности процесс идентификации может иметь и относительно устойчивые, стабильные очертания, и неустойчивые, подвижные, лабильные черты. Не у всех в юности идентификация приобретает стабильную или лабильную форму.

Особенность тех, кому сегодня 16-21 год, определяется и тем, что они представляет собой так называемое

«поколение Z» («цифровые аборигены», «цифровые кочевники»). Этому поколению, по мнению ряда исследователей, присущи клиповое мышление, жизнь в потоке вытесняющих друг друга новостей, многозадачность, поиск ответов на различные вопросы не в собственном сознании, а в Интернете, а также глобалистское видение мира и стремление к общечеловеческой справедливости. В этом плане идентификационные процессы в современном юношестве достаточно специфичны, чем у предшествующих поколений (Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения, 2021).

Методология и методы (Methodology and Methods). Семья – одна из самых «труднодоступных» для социологического исследования групп в силу ее большей закрытости. Эта трудность особо проявляет себя в плане исследования семейных отношений, семейных ролей, семейных идентичностей. Поэтому исследование семейных идентичностей более эффективно на междисциплинарном поле, в том числе на стыке социологии и социальной психологии. В настоящей статье семейные идентификационные процессы в юношеском возрасте рассматриваются на основе «Я-концепции» и «Мы-концепции».

Образ «Я», «Я-концепция» – из числа наиболее популярных в западной социальной психологии терминов (Р. Бернс, Ч. Кули, Э. Эриксон и другие). В отечественной литературе внимание этим формам самопознания и самооценки человека уделяется гораздо меньше. Например, поиск работ с ключевым понятием «Я-концепция» в различных базах данных дает ограниченный результат – примерно 100 работ. Понятие «Я-концепция» зародилось в середине XIX в. в русле феноменологической, гуманистической психологии, представители которой стремились к рассмотрению целостного человеческого

«Я» как фундамента личности. Один из первых представителей «Я-концепции» американский философ и психолог У. Джеймс считал, что «Я» имеет два лика – духовное и эмпирическое. Индивид осознает себя как духовное Я в качестве субъекта познания, как эмпирическое Я – в качестве объекта познания (самопознания) (Джеймс, 2017). Р. Бернс определял «Я-концепцию» как иерархию всех представлений человека о себе (Бернс, 1986).

В большинстве работ отечественных исследователей «Я – концепция» и образ «Я» отождествляются что, на наш взгляд, методологически неприемлемо. Образ «Я» связан с чувственным уровнем познания – самовосприятием и представлениями человека о себе. «Я-концепция», хотя и может оперировать представлениями о себе, но включает их в понятийный аппарат, процесс суждений и умозаключений. «Я-концепция» дает ответ на вопрос не только «кто я такой», но и на вопросы «почему я такой», «в чем смысл того, что я такой», «в чем значение того, что я такой». Восхождение от образа к концепции – это результат психического и социального развития личности, признак ее зрелости. Существующие опросники социальных идентичностей, особенно в социологии, нацелены на получение ответов «кто я такой», но не дают нам знаний о осмысленности респондентами своих идентичностей.

Под идентичностью принято понимать процесс и результат самоопределения личности и социальной группы, с одной стороны, определения других, с другой стороны. При этом, как писал К. Маркс задолго до З. Фрейда, введшего понятие «идентичность» в науку, «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс, 1983: 62). Социальное сравнение между «Я», «Он», «Мы», «Они», «Свои», «Чужие» как основа

идентификационных процессов на разных этапах развития личности осуществляется в различной социальной среде – сначала в микросреде, затем в мезо- и макросреде. Социальное сравнение осуществляется и на уровне чувственного познания (образы «Я», «Мы», «Они» и т.д.), и на уровне мышления (понятия «Я», «Мы», «Они» и т.д.). В последнем случае идентификация приобретает форму «Я-концепции» и «Мы-концепции».

Следует констатировать пока слабую теоретико-методологическую разработку «Мы – концепции» в отечественной и зарубежной научной литературе. Мы ее определяем следующим образом: «Мы-концепция» – это суждения и умозаключения о референтных для индивида группах. В отличие от «Я-концепции» в ней определяются значения референтных групп для «Я». Поскольку «Я-концепция» и «Мы-концепция» представляют собой суждения на основе понятий – необразных, отраженных и конструированных в вербальной форме общих и существенных свойств «Я» и различных референтных групп, исследование идентичностей строится на воспроизведении и реконструировании суждений респондентов.

Социокультурная идентификация является внутренне противоречивым процессом, производным от противоречий социокультурной дифференциации общества. С одной стороны, личность стремится к автономности от социальных и культурных систем, к определению своей уникальности, неповторимости. С другой стороны, в каждом человеке есть потребность в социальной принадлежности. Соотношение между автономностью и социальной принадлежностью в идентичности может быть различным – от тотального «Мы», в котором автономное «Я» не существует, до тотального «Я», в котором нет места для «Мы».

Социокультурная идентификация в рамках «Я-концепции» и «Мы-концепции» может быть представлена теоретической моделью «пирамида» (наподобие пирамиды потребностей А. Маслоу). В основании иерархии находится самоидентичность личности, «самость». Идеи антропологии и социальной психологии о «Самости», «Self» (Дж. Мида «Я как единство «I» и «Me», К. Юнга, Г. Салливана и других) как целостного ядра системы личности, в которой все части взаимосвязаны и не существуют отдельно, сами по себе, развивали в социальной антропологии и социальной психологии Дж. Мид, К. Юнг, Г. Салливан и другие. Дж. Мид различает два аспекта формирования самости: Я (I) – это то, что я думаю о других и о себе, это мой внутренний мир. Мне (Me) – это то, что, по моему мнению, обо мне думают другие, это моя внешняя социальная оболочка, как я её себе представляю. Чтобы взаимодействовать, люди должны интерпретировать значения и намерения других. Через принятие роли (установление себя на место человека, с которым ведется общение) индивиды развивают «самость» – способность представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли (Белик, 2011). Мы полагаем, что в этой «пирамиде» самоидентификация является базовой потому, что без «Я», без осознания самого себя как автономного существа личность не может устанавливать осмысленно степень тождества с другими. Познание других предшествует самопознанию, но в конструировании идентичностей личность опирается на суждения о себе (насколько она по своим качествам соответствует или не соответствует другим).

Самоидентичность является основой для микро-социальной идентификации – с семьей, друзьями, соседями, первичной группой в учреждении. Особое значение микро-социальная идентификация имеет в детском и юношеском возрасте. В значительной степени микро-социальная идентификация в детстве и юношеском

возрасте является одновременно мезо- и макросоциальной идентификацией. Так, этническая идентификация на микроуровне проявляет себя в виде отождествления себя с этничностью родителей, других родственников. То же самое можно сказать и относительно конфессиональной, локальной, гражданской идентификации, при этом в этом процессе задействована не только семья, но и школа, друзья, другие первичные группы.

В то же время в юности гражданская, конфессиональная, локальная, этническая идентификации выходят за пределы микросреды: важными факторами идентификации становятся новые друзья, представители различных этнических, конфессиональных и иных групп в вузах и колледжах, трудовых коллективах. Однако мезо- и макроуровни идентификации опираются на те понятия, представления, которые ранее сложились на микроуровне.

Трансформации в пирамиде социокультурных идентичностей идет не только снизу-вверх (от самоидентичности до макро-идентичности), но и сверху вниз. Те новые черты гражданской, этнической или иной идентификации, которые складываются на макроуровне под влиянием массовых коммуникаций – СМИ, кино, театра, учебников, художественной литературы и т.п., «приходят» в семью, в круг друзей, соседей, раскрываются в процессе непосредственной коммуникации.

«Пирамида» социокультурной идентификации – это теоретическая модель. В реальности взаимодействие уровней этой «пирамиды» – сложный и противоречивый процесс. В настоящей статье мы остановимся на некоторых аспектах взаимосвязи семейной идентификации с другими уровнями. В реальной действительности встречаются самые различные варианты «накладывания» друг на друга самоидентичности, микро-, мезо- и макро-идентичностей. Особо противоречивая и

зачастую парадоксальная связь между ними обнаруживается в юности.

В качестве гипотез мы рассматривали два положения: а) на этапе юности формируется «Самость» как основа идентичности («Self» Дж. Мида – «Я как единство «I» и «Me», К. Юнга, Г. Салливана и других), как целостное ядро системы личности, в которой все идентичности взаимосвязаны и не существуют отдельно, сами по себе (личность как «индивид»); б) положение о децентрации субъекта – дивида (делимом, фрагментирующемся, лишенном целостности человеке, в том числе разрозненность, несвязанность его идентичностей), в популяризации которого большую роль сыграл Ж. Лакан.

Мы также исходили из гипотез:

1) социокультурная идентификация происходит как в онтогенезе, в процессе развития личности с детства до старости, так и филогенезе, в процессе передачи от поколения к поколению традиций, архетипов сознания, идентификационных маркеров. Обе стороны являются неотъемлемыми компонентами исследования социокультурной идентификации, позволяющими полнее представить механизмы эволюции идентификации как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общественного развития;

2) в условиях динамичных изменений и преобладания префигуративной культуры филогенетический и онтогенетический аспекты социокультурной идентификации утрачивают свое единство.

Для проверки этих гипотез мы рассмотрели значение, которое придают молодые люди своим социокультурным корням – традициям, ценностям истории и семьи, и общества в целом.

В статье использованы данные межрегионального исследования по инициативному проекту «Многообразие идентификаций в юности: анализ «Я-концепций» и «Мы-концепций» в 2023 году. Было опрошено 3180 респондентов в возрасте от 16 по 21 год в Архангельской, Волгоградской, Тюменской областях, республиках Бурятия, Удмуртия и Башкортостан². В каждом регионе были определены квоты респондентов по регионам, городским и сельским населенным пунктам, в дальнейшем была осуществлена выборка случайным методом. Мы учитывали то, что значительная часть молодых людей в этом возрасте меняют место жительства из-за учебы и работы. Поэтому в анкете был вопрос – о месте жительства респондента 5 лет тому назад. Таким образом учитывалась доля недавних сельских жителей, проживающих в настоящее время в городе. Эти молодые люди во многом сохраняют черты сельской культуры, в том числе и семейные. Часть юношей, проходивших срочную военную службу, обучающиеся в учебных заведениях силовых структур, не попала в выборку. Поэтому в выборке оказалось больше девушек, чем юношей. Погрешность выборки составила 4,8%.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как отметили выше, семейная, этническая, конфессиональная, российская идентичность формируется и в онтогенезе, и в филогенезе. В исследовании была поставлена задача изучения значимости для юношей и девушек своих культурных корней. Вопрос в анкете был сформулирован следующим образом: «Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» передают нам культуру, традиции предшествующих поколений. Какое значение Вы придаете своим «корням»? На эмпирическом материале

² Руководитель проекта – д.с.н., проф. Р.Б. Шайхисламов (Уфа). Руководители полевых исследований в регионах – д.с.н., профессор С.П. Татарова (Улан-Удэ), д.с.н., проф. Н.Г.

Хайруллина (Тюмень), к.п.н., доцент Е.И. Михалёва (Ижевск), к.ф.н., доцент А.Б. Федулова (Архангельск), к.ф.н., доцент О.А. Карагодина (Волгоград), к.ф.н., доцент Г.Р. Асадуллина (Уфа).

требовался ответ на вопрос – является ли «укоренённая идентификация» (понимая под этим филогенетический аспект этого процесса) той основой, матрицей,

объединяющей различные «Я» в единое целое, способствующей формированию целостности, «индивидуальности» социальной идентичности.

Оценка значимости социокультурных корней (в%)

Таблица 1

Table 1

Assessment of the importance of socio-cultural roots (in %)

Значение корней* / The meaning of roots	всего / total	по полу / by gender		по возрасту /by age		проживали 5 лет тому назад / lived 5 years ago	
		жен.	муж.	16-18 лет	19-21 год	в городе	в селе
семейные корни / family roots							
первостепенное / primary	75,5	76,4	73,8	73,0	77,4	74,5	78,0
второстепенное / secondary	14,6	14,1	15,6	16,8	12,9	15,0	13,6
не имеют значения / irrelevant	9,9	9,6	10,6	10,3	9,7	10,5	8,4
религиозные (конфессиональные) корни / religious (confessional) roots							
первостепенное / primary	22,6	19,3	28,5	22,8	22,4	21,3	25,8
второстепенное / secondary	32,5	33,7	30,4	34,1	31,3	30,9	36,7
не имеют значения / irrelevant	44,9	47,0	41,1	43,2	46,3	47,9	37,5
национальные (этнические) корни / national (ethnic) roots							
первостепенное / primary	31,3	28,2	37,0	31,7	30,9	30,6	33,0
второстепенное / secondary	40,0	42,5	35,5	39,7	40,3	39,0	42,5
не имеют значения / irrelevant	28,7	29,3	27,5	28,6	28,8	30,4	24,5
метаэтнические (славянские, тюркские, угрофинские, монгольские и т.п.) корни / meta-ethnic (Slavic, Turkic, Finno-Ugric, Mongolian, etc.) roots							
первостепенное / primary	20,7	16,6	28,4	22,6	19,2	21,1	19,8
второстепенное / secondary	40,8	43,0	36,7	40,4	41,0	40,2	42,3
не имеют значения / irrelevant	38,5	40,4	34,9	36,9	39,7	38,7	37,9
российские корни / Russian roots							
первостепенное / primary	39,5	36,9	44,3	41,9	37,6	36,6	38,5
второстепенное / secondary	37,1	38,3	34,9	36,3	37,8	24,4	20,8
не имеют значения / irrelevant	23,4	24,8	20,8	21,8	24,7	39,0	40,7
общечеловеческие корни / universal human roots							
первостепенное / primary	50,0	47,8	53,8	48,7	50,9	50,9	47,5
второстепенное / secondary	30,1	30,7	29,1	31,9	28,7	28,9	33,1
не имеют значения / irrelevant	19,9	21,5	17,1	19,3	20,4	20,1	19,4

То, что семейные корни окажутся по сравнению с другими корнями самой самыми значимыми, было ожидаемо. Семья и сегодня является основным транслятором традиций, культурного опыта поколений. Что касается оценок семейных корней, как «второстепенное значение» (14,6% респондентов) или «не имеют значения» (9,9% респондентов), то они могут быть объяснены самыми разными причинами (дети-сироты, отсутствие полноценного общения между

родителями и детьми, особенности семейного общения и воспитания родителей в семьях своих родителей и т.д.). Различия оценок семейных корней по статусным характеристикам (по полу, возрасту, месту жительства) имеются, но они не так значимы, и не нуждаются в особом объяснении. Но нужно учитывать то, что семейные корни в той или иной степени трансляторами этнокультурных, конфессиональных, общероссийских традиций и ценностей. Каким образом

семейные корни связаны с этническими и российскими, и каким образом этнические и российские корни связаны с семейными,

можно судить по данным, приведенным в Таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь семейных, этнических и российских корней

Table 2

Interrelationship between family, ethnic and Russian roots

Из числа тех, кто придает своим семейным корням... / Among those who attach importance to their family roots...	придают своим этническим корням... / give their family roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	36,3	41,4	22,3	100%
второстепенное значение / secondary importance	19,3	48,7	32,0	100%
не придают значения / not given importance	10,8	17,0	72,2	100%
Из числа тех, кто придает своим этническим корням / Among those who attach importance to their ethnic roots	придают своим семейным корням... / give their family roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	87,6	9,0	3,4	100%
второстепенное значение / secondary importance	78,0	17,8	4,2	100%
не придают значения / not given importance	58,7	16,3	25,0	100%
Из числа тех, кто придает своим семейным корням... / Among those who attach importance to their family roots...	придают своим российским корням... / give their Russian roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	43,8	38,1	18,1	100%
второстепенное значение / secondary importance	31,8	45,6	22,6	100%
не придают значения / not given importance	18,3	17,3	64,4	100%
Из числа тех, кто придает своим российским корням... / Among those who attach importance to their Russian roots...	придают своим семейным корням... / give their family roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	83,6	11,8	4,6	100%
второстепенное значение / secondary importance	77,5	17,9	4,6	100%
не придают значения / not given importance	58,5	14,2	27,3	100%

Прежде всего отметим, что среди тех, кто придает своим семейным корням

первостепенное значение, далеко не все придают такое же значение своим

этническим корням. Семейные корни лишь для трети респондентов (36,3%), оценивающих их как первостепенную для себя значимость, представляются такими же значимыми в отношении трансляции в семье этнокультурных традиций и ценностей. Каждый пятый респондент, для которого семейные корни представляются первостепенной значимости, не придает значения своим этническим корням. Наибольшее совпадение (почти у половины) оценок семейных и этнических корней по шкале «второстепенное значение». Наиболее информативны данные по шкале «не придают значения» своим семейным корням – почти две трети респондентов также не придает значения и этническим корням. Одновременное равнодушие к семейным и этническим корням проявляют по большому счету одни и те же респонденты.

Обратная связь оценок этнических корней в плане оценок своих семейных корней выглядит иначе. Те, кто придает первостепенное значение своим этническим корням, в абсолютном большинстве своем дают такую же оценку и своим семейным корням. В то же время мы видим, что большинство респондентов, придающих второстепенное значение или не придающих значения своим этническим корням, оценивают свои семейные корни также как первостепенной значимости (78 и 58,7% соответственно). Четверть респондентов, оценивающих свои этнические корни как не имеющие значения, таким же образом оценивают и свои семейные корни.

Эти данные можно, на наш взгляд, следующим образом. Семейные корни респондентами оцениваются в слабой зависимости от трансляции этнокультурных традиций. Этническая составляющая семейных корней, семейных традиций и ценностей постепенно перестает быть доминирующей. Можно вполне обосновано предположить, что в условиях роста влияния средств массовой коммуникации, массовой культуры,

профессионализации этнической культуры родители, бабушки и дедушки все в меньшей степени играют роль проводников народной, этнической культуры. Немаловажное значение в ослаблении этнокультурной составляющей семейных корней снижение в семейном общении уровня языкового богатства. Дефицит времени на общение с детьми, преобладание разговоров на семейно-бытовые темы, не предполагающих использование всего потенциала языка, также способствуют уменьшению роли семьи как социального пространства сохранения этнических культур. Билингвизм подавляющего большинства юношей и девушек, их родителей, не относящих себя к русским, с одной стороны, создает больше возможностей для приобщения к культурам разных народов. С другой стороны, билингвизм является в большинстве случаев асимметричным: общение на семейном уровне ведется на «упрощенном» этническом языке, а вне семьи – на русском (не всегда «великом могучем») языке. К тому же в городских семьях (в ряде случаев и сельских тоже) нерусской этничности общение осуществляется на русском языке. В представлениях некоторых молодых людей нерусской этничности язык их этничности является архаичным, несовременным, символом отсталости народа. В результате язык этничности постепенно утрачивает свой этнокультурный потенциал. «Процесс передачи базовых ценностей от одного поколения к другому крайне важен для сохранения феномена идентичности как ощущения ценностной связи с прошлым – историей и культурой, этикой и телеологией. Передача ценностей происходит через язык, быт и организацию пространства» (Цвык, Радкевич, Шабага, 2024: 768).

Данные о взаимосвязи семейных и российских корней практически не отличаются от данных о взаимосвязи семейных и этнических корней. Первостепенное значение, придаваемое

семейным корням, не предполагает непременно такую же оценку российских корней. Большая часть респондентов, не придающих значения своим семейным корням, также не придает значения и российским корням. В то же время те, кто придает то или иное значение (первостепенное, второстепенное, или вовсе не признающие) российским корням, в большинстве своем оценивают свои семейные корни как первостепенной значимости.

Отношение к своим семейным корням, определение их значения во многом зависит от типа культур, которые описывала американский антрополог М. Мид (Мид, 1988). Данная типология строится по признаку – какое поколение учит, а какое – учится. В постфигуративной культуре, полностью господствующей в традиционном обществе, старшие по возрасту учат младших, передают им свой жизненный опыт. В кофигуративной культуре появляется новый элемент – младшие учатся не только у старших, но у своих сверстников. В префигуративной культуре младшие не только учатся у старших и своих сверстников, но и сами учат старших. В современном динамично меняющемся обществе опыт старших быстро устаревает, более востребованным оказывается новый опыт. Значение семейных, профессиональных, этнических, гражданских корней начинает подвергаться сомнению и зачастую – отрицанию, что особенно ярко проявляется в подростковом и юношеском возрасте. Поскольку тотальное отрицание традиций может привести к разрушению общества, появляется потребность в синтезе традиций и новаций, в новом формате продолжении традиций и инноваций, на основе сохранивших свой потенциал традиций.

По данным наших исследований по проекту «Межэтническая коммуникация в молодежной среде: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках федеральной программы «Этнокультурное многообразие российского общества и

укрепление общероссийской идентичности» (2020-2022 гг.), реализованному в республиках Башкортостан и Татарстан, Алтайском крае, Тюменской и Белгородской областях (3000 респондентов в возрасте 16-21 год) эти три типа культуры не обнаруживают себя в чистом виде. Но если судить по тому, черты какой культуры преобладают, то постфигуративная культура характерна для 23%, кофигуративная культура – для 10%, и префигуративная культура – для 65% респондентов. Таким образом, те, кто предпочитает не только учиться у старших, но и учить их, составляют большинство современных юношей и девушек. Такая тенденция является закономерной, отражающей как динамику общественного развития, так и изменения социокультурных коммуникаций между поколениями. Доминирование префигуративной культуры в молодежной среде само по себе не предполагает нигилизм в отношении традиционных ценностей и норм. Важно, чтобы между поколениями, в том числе в семейных рамках, выстраивались диалоговые коммуникации, нацеленные на взаимопонимание и социокультурное творчество.

В формировании представлений о российских корнях ведущую роль играют система образования, художественная литература, кино. В том, что семья не играет ведущей роли в трансляции российских традиций, проявляется то обстоятельство, что родители нынешних юношей и девушек формировались как личности в условиях постсоветского общества, зарождающегося нового российского общества. Семейные истории в подавляющем большинстве не уходят в период дореволюционной России.

Ученые Института социологии ФНИСЦ РАН на основе исследований последних лет отмечают противоречивое развитие исторической памяти современного российского общества.

«Большинство (3/4) россиян активно интересуются отечественной историей, интерес с ней существенно коррелируется со знанием семейной истории, которую, впрочем, 4/5 россиян знают не дальше, чем на два-три поколения. В исторической памяти россиян ключевое место занимает Великая Отечественная война. В то же время не менее половины россиян даже не знают, на какой стороне были их предки во время революций 1917 г. и Гражданской войны» (Горшков, Бараш, 2024).

Таким образом, взаимосвязь семейных корней, с одной стороны, и более широких социокультурных корней, в том числе этнических и российских, в современных условиях носит неоднозначный и противоречивый характер. Эти социокультурные корни не образуют устойчивую систему, мало влияют друг на друга. Если в традиционном обществе семейные, конфессиональные, этнические, локальные корни неразрывно переплетены, а семья действительно представляет собой «ячейку общества» в смысле ведущего института этнической, конфессиональной, локальной социализации личности, то в современном обществе эти корни в значительной степени дифференцированы и рассогласованы. Но необходимо учесть, что «семья в конструировании образа социального мира и в происхождении семейной идентичности как социального переживания или целостного «гештальта» оказывается первой территорией, в пространстве и во времени функционирования которой ребенок включается в освоение межличностных отношений, обретая индивидуальный стиль взаимодействия, общения, социального поведения, эмоциональной жизненной тональности. И далее в своей жизни каждый человек сохраняет социальное переживание своей принадлежности к родительской семье и роду, обогащая этот опыт вместе с новыми переживаниями, сопровождающими все проблемы создания и функционирования уже новой, своей семьи» (Строкова, 2017).

Семейная идентификация и сегодня продолжает действовать в качестве триггера, пускового механизма укрепления социокультурной идентичности на всех ее уровнях. Поэтому необходимость сохранения и обогащения традиционных этнокультурных, конфессиональных, гражданских составляющих семейной идентификации детей и молодежи не только сохраняется, но с учетом больших вызовов и угроз приобретает характер первостепенной важности.

Рассмотрим особенности семейной идентификации в юношеском возрасте *в онтогенезе*. Семейные идентичности проявляют себя в двух ипостасях – «Я в семье» и «Мы – семья», то есть в виде «Я-концепции» и «Мы-концепции». В «Я-концепции» индивиды соотносят себя с семьей как сын и дочь, старшие/младшие сын/дочь, брат и сестра, муж и жена, мать и отец, бабушка и дедушка и т.д. В юности семейная идентичность в основном существует в виде «Я – сын/дочь».

Изучение идентичностей в рамках «Я-концепций» предполагает выявление уровня их осмысленности, смыслов и значений. Осмысление любой формы идентичности предполагает, что она конструируется на основе мотивации личности – внутренних побуждений. Мотивация идентичности – это поиск смысла «Кто Я» и «Кто Мы», объяснение той или иной степени социокультурного тождества, выбор из различных, не во всем совпадающих вариантов соотнесенности с различными группами и культурами наиболее приемлемого ориентира. Мотивация в условиях сложного и динамично меняющегося социума является противоречивым, неоднозначным психологическим процессом, требующим не только осмысления, но и определенного выбора и принятия решения. Если идентичность воспринимается личностью как само по себе разумеющееся, не требующей такой саморефлексии, то, согласно типологии М. Вебера, можем

определить ее как аффективную или традиционную.

На основе мотивации формируются социокультурные ориентации, придающие идентичности устойчивые формы, образующие «стержень» личности. Если в процессе мотивации идентичность носит лабильный (подвижный, неустойчивый) характер, то трансформация идентичности в систему социокультурных ориентаций личности придает ей относительную стабильность, устойчивость, неизменность. Таким образом, на уровне «Я – концепции» идентификация формируется мотивационной сфере и закрепляется в виде ценностных ориентаций. Если в детском возрасте идентификация во многом носит немотивированный характер, то в юности она в значительной мере связана с ее осмыслением, выбора между различными вариантами этнической, конфессиональной, гражданской тождественности. Это не означает, что мотивация идентификации у всех в этом возрасте идет одинаково: если у отдельных юношей и девушек формируются относительно устойчивое, стабильное осмысление идентичности, то другие идентичность пока еще не рефлексируется. Различные идентичности могут восприниматься личностью не более как предписанные социальные статусы. Концептуальное содержание идентичности приобретают тогда, когда личность задает себе вопрос – что лично для меня значит быть сыном/дочерью, другом, коллегой, человеком определенной этничности, гражданином. Прежде чем отвечать на подобные вопросы, человек должен установить не формальные соотнесенности, а понимать, «кто Я?», и на этой основе и понимать свои идентичности. Е. Ю. Рязанцева на основе психологических измерений приходит к выводу, что если в возрасте 16-17 лет молодые люди ориентированы на поддержку извне, то для молодых людей в возрасте 18-25 лет значимым становится поиск своей идентичности, где важны как

поддержка родных и близких, так и свой внутренний ресурс (Рязанцева, 2021).

Юность – это тот период жизни, когда личность «ищет себя» не столько в своем социальном окружении, сколько «в самой себе». Она начинает определять свои жизненные принципы, смысл жизни, обращается к своему чувственному миру, совести, характеру. По-другому, происходит самоидентификация («Я – это Я»). У одних в период юности самоидентификация приобретает относительно стабильный, устойчивый вид, у других она является лабильной, подвижной, неустойчивой, у третьих она остается не актуализированной. Без осмысления самой себя личность не может найти ответы на вопросы о смыслах идентификации с различными референтными группами. Самоопределение в форме соотнесения Я со своими жизненными принципами, моралью, совестью, смыслом жизни, миром чувств, характером, согласно нашим опросам, присуще примерно 60 процентам респондентов в возрасте 16-21 год. При этом у одних этот процесс носит относительно стабильный, у других – лабильный характер (и тех и других от четверти до трети респондентов). Около 40 процентов считают, что сущностные, имманентные качества личности не имеют для самоопределения особого смысла. Это может говорить, как о том, что у многих респондентов еще не сформировалась система ценностных ориентаций (жизненных смыслов), так и том, что жизненные смыслы носят пока абстрактный, отвлеченный от собственной индивидуальности, характер. Без такого «стержня Я» все остальные идентичности не могут быть скреплены воедино, и есть все основания полагать, что у примерно 40 процентов в юношеском возрасте идентификация носит немотивированный характер. Это и есть признак дивидности, отсутствия целостности и «неделимости» «Я», в том числе «Я – концепции».

Характер самоидентификации обуславливает и процесс социальной

идентификации – начиная от семейной и завершая общероссийской. В таблице 3 мы приведены данные об уровне

осмысленности идентичностей «сын/дочь», «человек моей национальности» и «россиянин / россиянка».

Таблица 3

Осмысление социокультурных Я-идентичностей

Table 3

Understanding sociocultural self-identities

Осмысление «Кто Я» / Understanding “Who Am I”	всего / total	по полу / by gender		по возрасту / by age		проживали 5 лет тому назад / lived 5 years ago	
		жен.	муж.	16-18 лет	19-21 год	в городе	в селе
«Я – сын/дочь» / “I am a son/daughter”							
устойчивый смысл / stable meaning	27,2	28,5	24,8	28,3	26,3	27,9	25,5
(пере)осмысливается / (re)thought	34,6	37,0	30,3	32,5	36,4	34,2	34,6
не имеет смысла / doesn't make sense	38,2	34,5	44,9	39,3	37,3	34,3	34,2
«Я – человек моей национальности (этничности)» / “I am a person of my ethnicity”							
устойчивый смысл / stable meaning	33,1	35,1	29,5	31,4	34,5	33,4	32,4
(пере)осмысливается / (re)thought	32,3	33,0	31,0	32,3	32,3	32,9	30,8
не имеет смысла / doesn't make sense	34,6	31,9	39,4	36,3	33,2	33,7	36,8
«Я – россиянин / россиянка» / “I am a Russian”							
устойчивый смысл / stable meaning	32,8	33,9	30,7	31,6	33,7	32,8	32,7
(пере)осмысливается / (re)thought	31,5	33,5	27,8	30,8	32,1	31,7	31,1
не имеет смысла / doesn't make sense	35,7	32,5	41,6	37,5	34,3	35,5	36,1

По характеру осмысленности (стабильной, лабильной, бессмысленной формам) по большому счету семейная, этническая и гражданская идентификации не отличаются от самоидентификации (отклонения не превышают 5 п.). Это говорит о том, что осмысление «Кто Я» с точки зрения саморефлексии, самопереживания и саморегуляции является предпосылкой осмысления своего социального «Я». Осмысление семейной идентичности «Я – сын / дочь» предполагает, что личность видит в ней определенный смысл – сыновий / дочерний

долг перед родителями, заботу о семье, оправдание надежд, возлагаемых семьей и т.п. Такое осмысление является результатом не только онтологического (биографического), но и филогенетического (культурной преемственности поколений родственников) развития. Идентификация «не имеет смысла» означает, что индивид определяет себя как сына или дочь, гражданина или представителя этноса формально, как некую внешнюю для него данность.

Таблица 4

Связь значимости семейных корней с идентичностью «Я – сын / дочь»

Table 4

The relationship between the importance of family roots and the identity “I am a son / daughter”

Осмысление «Я – сын / дочь» / Understanding “I am a son / daughter”	среди определяющих значимость семейных корней как: / among those determining the importance of family roots as:		
	первостепенную / primary	второстепенную / secondary	не имеющих значения / unimportant
носит устойчивый смысл / has a stable meaning	36,0	29,8	31,4
(пере)осмысливается / (re)thought	25,1	37,3	28,1
не видят особого смысла / does not see a special meaning	38,9	32,9	40,5
всего / does not see a special meaning	100%	100%	100%

Если в целом как первостепенную значимость свои семейные корни определили 75,5% респондентов, то среди них есть и те, кто не видит смысла в идентичности «сын / дочь», и те, кто видит сложившийся или складывающийся смысл. Такая же картина по столбцам данных о второстепенной значимости или отсутствия значения семейных корней. Это свидетельствует о том, идентичность «сын / дочь» слабо связана с традиционными ценностями.

Семейная идентичность осмысливается и как «Я-концепция», и как «Мы-концепция». В последней проявляется тот или иной уровень осмысления «Мы –

семья». «Мы-концепция» формируется на основе сравнения, с одной стороны, «Я» и «Мы», а с другой стороны, «Мы» и «Они» (наподобие системы распознавания «свой – чужой» в военной авиации). В Таблице 5 приведены данные о соотношении «Я» и «Мы» по трем интересующим нас в рамках статьи идентификациям – семейной, этнической и российской (формулировка вопроса в анкете – «Помимо нашего «Я» каждый может сказать о себе и «Мы». Это самые разные группы людей – от глобальных до локальных, с которыми мы так или иначе связаны. Что значит лично для Вас быть представителем указанных ниже групп людей?»)

Таблица 5

Значение семейной, этнической и гражданской общности

Table 5

The Importance of family, ethnic and civil community

Значение «Мы» / The meaning of “We”	моя семья / my family	люди моей национальности / people of my ethnicity	российский народ / russian people
абсолютное значение, без них нет «Я» / absolute meaning, without them there is no “I”	34,7	6,1	8,4
большее значение, чем «Я» / greater meaning than “I”	23,4	4,6	6,9
такое же значение, что «Я» / the same meaning as “I”	23,1	19,5	21,3
какое-то значение, но главное – «Я» / some meaning, but the main thing is that “I”	6,7	21,6	19,9
не имеет значения, это формальность / doesn't matter, it's a formality	2,2	24,2	19,8

не думал, не знаю / didn't think, don't know	9,9	24,0	23,8
--	-----	------	------

«Мы – семья» имеет доминантное значение (абсолютное и большее) у более чем половины респондентов. «Я» является доминантой примерно у каждого десятого респондента, столько же тех, кто об этом не задумывался. Для четверти респондентов «Мы – семья» и «Я» являются равнозначными. В целом семья как самая близкая общность людей является «лидером» по сравнению с другими «Мы». В этнической и российской идентификации

соотношение «Мы» и «Я» иное. В этнической идентификации «Мы» имеет доминантное значение у каждого десятого респондента, в российской идентификации – у 15% респондентов.

Как связаны «Я» и «Мы» в семейной идентификации? Попробуем разобраться на основе сравнения данных идентификаций «Я – сын/дочь» и «Мы – моя семья».

Таблица 6

Идентичность «Мы – моя семья» в контексте идентичности «Я – сын/дочь»

Table 6

Identity “We are my family” in the context of identity “I am a son/daughter”

Значение идентичности «Мы – моя семья» / Identity “We are my family” in the context of identity	абсолютное, без них нет «Я» / absolute, without them there is no “I”	большее, чем «Я» / greater than “I”	такое же, что «Я» / the same as “I”	какое-то, но главное – «Я» / some, but the main thing is “I”	не имеет значения, это формальность / it doesn't matter, it's a formality	не думал, не знаю / didn't think, I don't know
всего / does not see a special meaning	34,7	23,4	23,1	6,7	2,2	9,9
в том числе по осмысленности идентичности «Я – сын/дочь»						
носит устойчивый смысл / has a stable meaning	39,8	21,4	23,4	7,2	1,7	6,5
(пере)осмысливается / (re)thought	27,3	24,6	27,9	9,2	2,1	8,8
не имеет смысла / doesn't make sense	35,4	24,3	19,5	4,3	2,7	13,8

Мы видим, что соотношение значений «Мы – моя семья» и осмысленности «Я – сын/дочь» практически не отличается от среднего распределения. Независимо от того, в какой степени идентичность «Я – сын/дочь» носит осмысленный (стабильный, лабильный или неосмысленный) характер, примерно одинаково определяют значение «Мы – семья». Среди респондентов, таким образом, обнаруживаются различные сочетания идентичностей, начиная от «для

меня моя семья – это все, и в этом смысл того, что я сын (дочь)» до «моя семья является для меня формальностью, и то, что я в семье – сын (дочь), не имеет особого смысла». При этом есть и парадоксальные на первый взгляд сочетания, например, «для меня моя семья имеет абсолютное значение, но то, что я сын (дочь) не имеет смысла». Эти данные можно объяснять по-разному. Отсутствие какой-либо заметной связи между этими двумя формами семейной идентификации обусловлено тем,

что в юношеском возрасте сохраняется сильная привязанность к семье, при этом автономия в семье, хотя и возрастает по сравнению с детским возрастом, все же не

является ведущим фактором. И в юности сохраняется большая зависимость (и материальная, и моральная) от родительской семьи.

Таблица 7

Этническая Мы-идентичность в соотнесенности с семейной Мы-идентичностью

Table 7

Ethnic We-identities in relation to family We-identity

Значение идентичности «Мы – моя семья» / The Meaning of Identity “We Are My Family”	абсолютное, без нее нет «Я» / absolute, without it there is no “I”	большее, чем «Я» / greater than “I”	такое же, что «Я» / the same as “I”	какое-то, но главное – «Я» / some, but the main thing is “I”	не имеет, это формальность / no, it's a formality	не думал, не знаю / I do not know the result	итога / total
«Мы – люди моей этничности» / “We are people of my ethnicity”							
абсолютное значение, без них нет «Я» / absolute meaning, without them there is no “I”	9,3	4,4	25,5	22,1	20,1	18,6	100
большее значение, чем «Я» / greater meaning than “I”	6,3	5,7	23,5	22,2	21,5	20,8	100
такое же значение, что «Я» / the same meaning as “I”	2,2	3,8	17,3	27,3	30,6	18,8	100
какое-то значение, но главное – «Я» / some meaning, but the main thing is that “I”	3,9	3,9	8,3	28,3	47,8	7,8	100
не имеет значения, это формальность / doesn't matter, it's a formality	4,4	4,4	4,4	8,8	60,4	17,6	100
не думал, не знаю / didn't think, don't know	5,2	5,2	5,6	3,6	6,0	74,4	100

Как соотносятся между собой, с одной стороны, семейная, и, с другой стороны, этническая идентичности? Среди респондентов с доминирующей этнической «Мы» идентичностью (абсолютное или большее значение этноса) от такое же абсолютное или большее значение идентичности «Мы – моя семья» придают от 4,4 до 9,3%. Из равновесных «Я» и «Мы» этнической идентичности, которые проявляют респонденты, 27,3% также равнозначными считают «Я» и «Мы» и в семейной идентичности. Среди респондентов, у которых «Я» доминирует в отношении «Мы» в этнической

идентичности, 28,3% также большее значение к «Я» придают в своей семейной идентичности. Игнорирующие значение «Мы – этнос», в большинстве своем являются таковыми и в отношении семейной идентичности (60,4%). Среди тех, кто не определился с этнической «Мы» идентичностью, абсолютное большинство – 74,4% – также не смогли определиться в отношении «Мы – моя семья». Мы видим связь между этнической и семейной идентичностью следующим образом: «индивидуализм» в этнической идентичности положительно связан с «индивидуализмом» в семейной

идентичности. Что касается «коллективистов» в этнической идентичности, то таких мало оказывается и в семейной идентичности.

Примерно такую же картину мы видим в российской идентичности («Мы – российский народ») в ее соотнесенности с семейной идентичностью («Мы – моя семья»).

Таблица 8
Российская Мы-идентичность в соотнесенности с семейной Мы-идентичностью
Table 8

Russian We-identity in relation to family We-identity

Значение идентичности «Мы – моя семья» / The Meaning of Identity "We Are My Family"	абсолютное, без нее нет «Я» / absolute, without it there is no "I"	большее, чем «Я» / greater than "I"	такое же, что «Я» / the same as "I"	какое-то, но главное – «Я» / some, but the main thing is "I"	не имеет, это формальность / no, it's a formality	не думал, не знаю / I do not know the result	итого / total
«Мы – российский народ» / "We are the Russian people"							
абсолютное значение, без них нет «Я» / absolute meaning, without them there is no "I"	12,9	7,6	25,0	19,7	16,4	18,4	100
большее значение, чем «Я» / greater meaning than "I"	7,9	8,8	27,3	18,2	18,5	19,3	100
такое же значение, что «Я» / the same meaning as "I"	4,2	4,5	20,7	27,3	23,1	20,2	100
какое-то значение, но главное – «Я» / some meaning, but the main thing is that "I"	5,8	5,9	9,8	28,8	41,0	8,7	100
не имеет значения, это формальность / doesn't matter, it's a formality	5,9	7,4	8,8	10,2	51,5	16,2	100
не думал, не знаю / didn't think, don't know	5,9	6,2	5,6	3,6	5,6	73,1	100

Среди тех, кто придает абсолютное значение «Мы» в российской идентичности, 13% респондентов такое же значение придают своей семейной идентичности. Среди тех, кто большее, чем «Я», значение придают «Мы» в семейной идентичности, 8,8% такое же значение придают российской идентичности. Среди одинаково оценивающих «Я» и «Мы» в семейной идентичности такую же позицию в отношении «Я» и «Мы» в российской идентичности занимают уже 20,7% респондентов. 28,8% «индивидуалистов» («главное – Я») в семейной идентификации являются таковыми и в российской идентификации. Отрицающих значение «Мы – моя семья» и одновременно считающих формальностью «Мы – российский народ» 51,5%.

В целом мы видим в возрастающей мере совпадения в этих трех идентичностях в сторону доминирования «Я» над «Мы». Иными словами, чем меньшее значение придают идентичности «Мы – моя семья», тем меньшее значение придают идентичностям «Мы – люди моей национальности» и «Мы – российский народ». Формальная, номинальная этническая и российская идентичность во многом действительно идет из семьи. Что касается доминантных формы «Мы»

семейных, этнических и российских идентичностей, то они слабо связаны друг с другом. Не будет ошибкой утверждать, что семья, хотя и остается «основным звеном» социокультурной идентичности детей и молодежи, становится все более слабым.

Если учитывать, что средний возраст вступающих в брак в России составляет 23-25 лет, то в подавляющем большинстве молодежь в юношеском возрасте не создает собственную семью. В то же время юность – это время, когда «проектируется» свой жизненный путь в целом и семейная жизнь в частности. Респондентам было предложено выбрать 7 из 15 вариантов вопроса «Как Вы много лет спустя хотели бы сказать себе – «Я состоялся в этой жизни, потому что...». Первую тройку показателей жизненного успеха составили надежные и верные друзья, разносторонняя развитость, профессиональная состоятельность и достижения. Что касается варианта «у меня есть любимый (любимая)», связанного с семейным проектом, то он расположился на четвертом месте. Что касается формулы жизни «построить дом, посадить дерево, вырастить сына», то она находится лишь на 9 месте из 15 вариантов показателей жизненного успеха.

Таблица 9

Критерии жизненного успеха в юношеском возрасте

Table 9

Criteria for life success in adolescence

Ранг	Критерии жизненного успеха / Criteria for life success in adolescence	всего / total	пол / by gender		возраст / by age		проживали 5 лет назад / lived 5 years ago	
			жен.	муж.	16-18	19-21	город	село
4	У меня есть любимый (любимая) / I have a loved one	36,5	39,8	30,3	32,5	39,6	36,5	36,4
9	Вырастил(а) и воспитал(а) детей / Raised and educated children	26,1	25,7	26,8	21,9	29,4	25,0	28,7

В юности семейный проект жизни пока не является приоритетным. Зрелое, ответственное отношение к браку и родительству в современном обществе наступает в более позднем возрасте. В

юношеском возрасте более важное значение имеют получение профессионального образования и последующая профессиональная карьера, саморазвитие и дружеское общение. В

связи с этим и не столь неактуальны в этом возрасте семейные идентичности (муж, жена, отец, мать) как в настоящем, так и в будущем. В то же время заметно, что по мере взросления меняются в положительную сторону семейные ориентации в представлениях о жизненном успехе. По сравнению с 16-18-летними (а это в основном старшеклассники, учащиеся колледжей на базе 9 классов, первокурсники вузов) у более старшего возраста – 19-21 год – большее значение приобретают такие критерии, как «есть любимый (любимая)» и «вырастил(а)и воспитала(а) детей». Такая тенденция сохраняется и в последующих возрастных группах молодежи (22-25 лет, 26-30 лет, 31-35 лет).

Заключение (Conclusions).

Интерпретировать изложенные выше результаты можно следующим образом. Во-первых, в юности социокультурные корни (трансляция традиций, норм и ценностей от поколения к поколению) значимы неодинаково. Наибольшей значимостью обладают семейные корни. Однако последние слабо связаны с этническими, конфессиональными, российскими корнями. Семья утрачивает роль транслятора общероссийских, этнических и иных традиций. Во-вторых, обнаруживается «нестыковка» между идентификациями в филогенезе и онтогенезе части юношества. Идентификация все в меньшей степени связана с социокультурными корнями, традициями, в том числе и семейными. В-третьих, идентификация, в том числе семейная, у трети респондентов не имеет смыслового наполнения. В условиях сложных и динамичных социокультурных процессов в обществе такая идентификация может быть подвержена противоречивым и неоднозначным изменениям, деформациям и де-идентификации. В-четвертых, не прослеживается логическая (осмысленная) связь между «Я-концепцией» и «Мы-концепцией». Все это позволяет говорить о значительной степени «дивидности»

социокультурной идентичности современных юношей и девушек.

Перспективы дальнейших исследований социокультурных, в том числе семейных, идентичностей мы видим в изучении спектра смыслов, которыми молодежь их наполняет, что возможно лишь на основе использования качественных методов опроса (фокусированное, нарративное, глубинное интервью). На данном этапе мы ограничились выявлением того, видят или не видят смыслы в своей самоидентичности и социальных идентичностях. Также необходимо более полное изучение мотивации в «Мы-концепциях» – в чем конкретно респонденты видят значение таки «мы», как семья, локальное и региональные сообщества, друзья, этнические общности, российский народ.

Актуальной проблемой сегодня становится эффективная семейная, детская и молодежная политика, нацеленная на формирование устойчивой и целостной социокультурной идентичности. Как подчеркивают авторы коллективной монографии под редакцией А. В. Бугаева и Т. К. Ростовский (Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи, 2018), молодежная политика должна исходить из установок выработки приоритета национально-государственной идентичности. Соглашаясь с данной позицией, мы бы то же самое отметили относительно социальной политики в отношении семьи и детства. В начале нашей статьи мы отмечали, что семейная идентификация следует рассматривать как «основное звено», которое способно «вытянуть» всю цепь социокультурной идентификации. Но сегодня этот потенциал представляется недостаточным для того, чтобы стать базой для укрепления всей системы социокультурной идентичности российского общества. Ослабление этого «основного звена», «ячейки общества»

обусловлено многими факторами – объективными и субъективными. Возможности работы школы с семьями учащихся заметно ослабли в связи с тем, что образование стали рассматривать как оказание услуг, а не как средство формирования личности. Существуют не только угрозы, отрицательно влияющие на семейные отношения, но и благоприятные возможности для того, чтобы увязать в единое целое социокультурную идентичность детей и молодежи на основе семейных ценностей, традиций и позитивных новаций.

На наш взгляд, одной из главных задач стартующих в 2025 году новых национальных проектов – «Семья» и «Молодежь и дети» и должно быть укрепление этого «основного звена». Если в этих проектах основное внимание будет уделено «материальным» (финансовым, инфраструктурным) аспектам, проведению затратных, но малоэффективных мероприятий, а «идеологические», мировоззренческие аспекты будут носить второстепенный характер, то семья может оказаться «самым слабым звеном» в социокультурной идентичности российского общества.

Список литературы

Бараш Р. Э. История семьи и история страны как грани единого прошлого. Российский опыт в социологическом измерении // Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 137-156.

Бараш Р. Э. Семейная история и семейная память в России 2020-х годов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 141-162.

Белик А. А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2, № 1. С. 31-43.

Вагапова А. Р., Перова С. А. Семейная идентичность супругов и их оценка степени удовлетворенности браком // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, № 1. С. 72-76.

Беспалов А. М., Макарова О. Н., Власов М. С. Этническая идентичность кумандинских подростков: её проявления и связь с семейной идентичностью // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 207-217. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/484/23>.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. Москва: Прогресс, 1986. 420 с.

Васильченко О. Н. Репродуктивная идентичность в структуре Я-концепции личности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 447.

Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125-137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119>.

Джеймс У. Психология. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 352 с.

Камалова Г. Р. Семейная идентичность современной российской молодежи (по материалам социологического исследования в Республике Башкортостан) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 19-21.

Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя. Москва: Просвещение, 1989. 254 с.

Кон И. С. Открытие «Я»: [Самосознание]. Рига: Авотс, 1982. 336 с.

Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. Москва: Политиздат, 1984. 335 с.

Кон И. С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности: [Учеб. пособие для пед. ин-тов]. Москва: Просвещение, 1979. 175 с.

Лихачев Д. С. Земля родная. Москва: Просвещение, 1983. 256 с.

Лукуянченко Н. В. Семейная идентичность субъектов разных типов семейных союзов в современном российском обществе: монография. Красноярск, 2023. 156 с.

Мальшева Е. Н. Организация социально-педагогической поддержки развития семейной

идентичности у подростков из многодетных семей // *Время науки*. 2024. № 3-2. С. 9-13.

Маркс К. Капитал. Т. I. Кн. 1. Москва: Политиздат, 1983. 905 с.

Мид М. Культура и мир детства. Москва: Наука, 1988. 429 с.

Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: коллективная монография / под ред. А. В. Бугаева, Т. К. Ростовской. Москва: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Коллективная монография / Под ред. Р. Б. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 228 с.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Юрайт, 2024. 331 с.

Рязанцева Е. Ю. Взаимосвязь личностных проектов и смысложизненных ориентаций в юности и молодости // *Вестник Самарского государственного технического университета. серия «Психолого-педагогические науки»*. 2021. Т. 18, № 3. С. 171-180. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.12>

Строкова С. С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. № 3. С. 8-22.

Солынин Н. Э., Маслова Н. А. Семейная идентичность подростков из неполной семьи: структурно-функциональный анализ // *Проблемы современного педагогического образования*. 2024. № 82-1. С. 485-489.

Тюрина Т. А., Грязева Д. В. Стремление к самоактуализации и особенности Я-концепции в раннем юношеском возрасте // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2020. № 11. URL: <http://e-koncept.ru/2020/202045.htm>. (дата обращения: 19.08.2024).

Цвык В. А., Радкевич К. В., Шабага А. В. Язык и пространство как идентификационные ценности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 3. С. 764-776.

References

Barash, R. E. (2023), "Family history and country history as facets of a single past. Russian

experience in the sociological dimension", *Rossija: edinstvo i mnogoobrazie: k 10-letiju obrazovanija Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po mezhnacional'nym otnoshenijam. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia: unity and diversity: on the 10th anniversary of the formation of the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference], Moscow, Russia, 137-156. (In Russian)

Barash, R. E. (2023), "Family history and family memory in Russia in the 2020s", *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)*, (4), 141-162. (In Russian)

Belik, A. A. (2011), "J. G. Mead's Theory of the "I" and Psychological Anthropology", *Social Psychology and Society*, 2 (1), 31-43. (In Russian)

Vagarova, A. R., Perova, S. A. (2015), "Family identity of spouses and their assessment of the degree of satisfaction with marriage", *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 4 (1), 72-76. (In Russian)

Bespalov, A. M., Makarova, O. N., Vlasov, M. S. (2022), "Ethnic identity of Kumandin adolescents: its manifestations and connection with family identity", *Tomsk State University Journal*, (484), 207-217. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/484/23> (In Russian)

Burns, R. (1986), *Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie* [Development of the self-concept and education], Progress, Moscow, Russia, 420. (In Russian)

Vasilchenko, O. N. (2013), "Reproductive identity in the structure of the self-concept of personality", *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, (1), 447. (In Russian)

Gorshkov, M. K., Barash, R. E. (2024), "Historical memory of modern Russians (the history of Russia in the twentieth century through the prism of family histories)", *Sociological studies*, (9), 125-137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119> (In Russian)

James, W. (2017), *Psihologija* [Psychology], Piter, St. Petersburg, Russia, 352. (In Russian)

Kamalova, G. R. (2014), "Family identity of modern Russian youth (based on the materials of a sociological study in the Republic of

Bashkortostan)", *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, (20), 19-21. (In Russian)

Kon, I. S. (1989), *Psihologiya rannej junosti: kniga dlja uchitelja* [Psychology of early adolescence: a book for a teacher], Education, Moscow, Soviet Union, 254. (In Russian)

Kon, I. S. (1982), *Otkrytie «Ja»: [Samosoznanie]* [Discovery of "I": [Self-awareness]], Avots, Riga, Soviet Union, 336. (In Russian)

Kon, I. S. (1984), *V poiskah sebja: lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Oneself: Personality and Its Self-Awareness], Politizdat, Moscow, Soviet Union, 335. (In Russian)

Kon, I.S. (1979), *Psihologiya junosheskogo vozrasta: Problemy formirovaniya lichnosti* [Psychology of Adolescence: Problems of Personality Formation], Education, Moscow, Soviet Union, 175. (In Russian)

Likhachev, D. S. (1983), *Zemlja rodnaja* [Native Land], Education, Moscow, Soviet Union, 256. (In Russian)

Lukyanchenko, N. V. (2023), *Semejnaja identichnost' sub#ektov raznyh tipov semejnyh sojuzov v sovremennom rossijskom obshhestve* [Family identity of subjects of different types of family unions in modern Russian society]: monograph, Krasnoyarsk, Russia, 156. (In Russian)

Malysheva, E. N. (2024), "Organization of social and pedagogical support for the development of family identity in adolescents from large families", *The Times of Science*, (3-2), 9-13. (In Russian)

Marx, K. (1983), *Kapital* [Capital], I (1), Politizdat, Moscow, Soviet Union, 905. (In Russian)

Mead, M. (1988), *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood], Nauka, Moscow, Soviet Union, 429. (In Russian)

Molodezhnaja politika v sisteme formirovaniya grazhdanskoj identichnosti sovremennoj molodezhi [Youth policy in the system of formation of civil identity of modern youth] (2018), collective monograph, by Bugaev, A.V., Rostovskaya, T.K., Publishing house of RSSU, Moscow, Russia, 198. (In Russian)

Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostej, orientacij, povedenija [Generation Z: Diversity of identities, orientations, and behavior] (2021),

collective monograph, by Shaikhislamov, R. B., RIC BashSU, Ufa, Russia, 228. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2024), *Sem'ja v sisteme social'nyh institutov obshhestva* [Family in the System of Social Institutions of Society], Yurait, Moscow, Russia, 331. (In Russian)

Ryazantseva, E. Yu. (2021), "The Relationship between personal projects and life-meaningful orientations in adolescence and young adulthood", *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 18(3), 171-180. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.12> (In Russian)

Stroková, S. S. (2014), "Directions for the study of family identity in psychology", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, (3), 8-22. (In Russian)

Solynin, N. E., Maslova, N. A. (2024), "Family identity of adolescents from a single-parent family: structural and functional analysis", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, (82-1), 485-489. (In Russian)

Tyurina, T. A., Gryazeva, D. V. (2020), "The desire for self-actualization and features of the self-concept in early adolescence", *The Concept journal*, (11), [Online], available at: <http://e-koncept.ru/2020/202045.htm> (Accessed 19 August 2024). (In Russian)

Tsvyk, V. A., Radkevich, K. V., Shabaga, A. V. (2024), "Language and space as identity values", *RUDN Journal of Sociology*, 24 (3), 764-776. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 октября 2024 г. Поступила после доработки 09 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г. Received 30 October 2024. Revised 09 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия.

Rafael B. Shaikhislamov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент кафедры

социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия.

Guzeliya R. Asadullina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.